

Широкова Е. Н.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭМОТИВНЫХ СМЫСЛОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/105.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 249-251. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

4. *When you ask Santa where he gets all the stuff he's got, he says, "Elves make it for me."*
5. *Santa doesn't care about your deadlines.*
6. *Your parents ascribed supernatural powers to Santa, but did all the work themselves.*
7. *Nobody knows who Santa has to answer to for his actions.*
8. *Santa laughs entirely too much.*
9. *Santa thinks nothing of breaking into your \$HOME.*
10. *Only a lunatic says bad things about Santa in his presence [Santa is a System Administrator].*

Как демонстрируется в данном примере, концепт «sysadmin» содержит такие признаки, как неделовой стиль одежды, склонность носить бороду, проблемы с лишним весом (*is bearded, corpulent, and dresses funny*), невыполнение пожеланий пользователей полностью (*the odds of receiving what you wanted are infinitesimal*), игнорирование сообщений пользователей (*seldom answers your mail*), утаивание профессиональных секретов (*when you ask where he gets all the stuff he's got, he says, "Elves make it for me"*), нежелание ценить время и силы пользователей (*doesn't care about your deadlines*), невыполнение своих прямых обязанностей (*your parents ascribed supernatural powers to Santa, but did all the work themselves*), отсутствие контроля за выполнением работы (*nobody knows who Santa has to answer to for his actions*), мстительность (*only a lunatic says bad things about Santa in his presence*), владение важной конфиденциальной информацией (*Santa thinks nothing of breaking into your \$HOME*).

Таким образом, в англоязычной сетевой картине мира значимыми признаками концепта «sysadmin» являются негативное отношение к пользователям, ненормированный график работы, физические неудобства при выполнении работы, неделовой стиль одежды, неустроенная личная жизнь, склонность носить бороду, проблемы с лишним весом, невыполнение пожеланий пользователей, игнорирование сообщений пользователей, утаивание профессиональных секретов, нежелание ценить время и силы пользователей, невыполнение своих прямых обязанностей, отсутствие контроля за выполнением работы, мстительность.

Список использованной литературы

1. **Слышкин Г. Г.** От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. - М.: Academia, 2000. - 128 с.
2. **Фрумкина Р. М.** Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога (концепт, категория, прототип) / Фрумкина Р. М. // Научно-техническая инф-я. - 1992. - Серия 2: Инф. процессы и системы. - № 3. - С. 1-7.
3. **Справочник профессий.** - E-xecutive.
4. <http://www.e-xecutive.ru/professions/>
5. **Jests and Jokes: Signs You Might Be A Sysadmin.** - <http://www.jestsandjokes.com/show.php3?joke=223>.
6. **Justin R. Erenkrantz.** - <http://www.erenkrantz.com/Humor/SysAdminDescription.shtml>.
7. **Santa is a System Administrator.** - <http://terhune.net/jokes/jokes1f5.html>.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭМОТИВНЫХ СМЫСЛОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Широкова Е. Н.

Нижегородский государственный университет

Как известно, в современной лингвистике нет единого взгляда на категорию эмотивности. В соответствии с одним из подходов эмотивность рассматривается как текстовая категория. Так, в тексте выделяется два типа информации - предметно-логическая (фактуальная, фабульная) и субъективная (тоновая, эмоциональная) [Арнольд 1981: 80; Новикова 2007: 222-223; Тошович 2006: 319-320; Шаховский 1983: 68]. В художественном тексте ведущая роль в организации информации второго типа принадлежит категории эмотивности. При этом реализуется не только информативная функция языка, заключающаяся применительно к категории эмотивности в экспликации эмоционального состояния персонажа, но и перлокутивная функция, базирующаяся на эмпатии [Арнольд 1981: 108; Голубкова 2003: 4; Калимуллина 2006: 74-75; Шаховский 1983: 3]. Эмпатию здесь понимаем в узком значении, в соответствии с которым это сопереживание, «восприятие эмоционального состояния другого человека и возможность сочувствия, то есть ситуация, в которой фактически возникают одни и те же эмоции» [Тошович 2006: 320].

Существует и другой взгляд на функции эмотивности. Так, Б. Тошович считает, что эмоция в процессе кодирования превращается в экспрессию, при восприятии происходит обратный процесс - адресат декодирует экспрессию в эмоцию, поэтому перлокутивная функция присуща экспрессивности, а не эмоциональности [там же: 318-319]. Однако если под эмотивностью понимать языковое выражение эмоций, то это уже кодированная эмоция, и, следовательно, именно эмотивности присуща перлокутивная функция. Эмоциональность, включающая и неосознанные эмоции [там же: 319], выходит за пределы лингвистической категории. Как отмечает Г. В. Колшанский, «чисто чувственный компонент многоуровневого сознания человека относится к области, недоступной для лингвистического анализа, так как эта область реализуется не в языковом воплощении, а в различных физиологических и психических формах, которые являются предметом изучения соответствующих наук, а не языкознания» [Колшанский 2005: 142-143].

Средством выражения текстовой категории эмотивности являются разноуровневые единицы языка, как содержащие эмотивную сему, так и становящиеся средством выражения эмотивности в процессе функционирования под влиянием контекста [Арнольд 1981: 106-108; Калимуллина 2006: 74-75; Новикова 2007: 223; Шаховский 1983: 69; 2007: 4 и 9]. Кроме того, в художественном тексте эмотивный фон может создаваться с помощью тропов, без прямого указания на эмоцию [Арнольд 1981: 107; Голубкова 2003: 19].

При создании эмотивного фона художественного текста с текстовой категорией эмотивности тесно взаимодействует такая субкатегория художественного времени, как эмотивное время. При этом категория эмотивности не поглощает полностью субкатегорию эмотивного времени, хотя они и пересекаются.

Э. В. Нестерик считает, что изображение субъективного восприятия времени персонажами является литературно-стилистическим приемом, одним из видов текстовой метонимии, когда психическое состояние героев изображается как деформация потока времени, а их мировоззрение передается через отношение ко времени-эпохе [Нестерик 2007: 7]. Однако, по нашим наблюдениям, для художественного текста более характерно именно взаимодействие эмотивных значений со значениями эмотивного времени, когда категория эмотивности и субкатегория эмотивного времени выступают как единый эмотивный комплекс, за счет чего усиливается перлокутивный эффект. При этом языковые средства выражения эмотивности и эмотивного времени также используются комплексно.

Так, в рассказе А. Толстого «Под водой» описывается поход подводной лодки «Кэт» во время военных действий. Первое субъективное смещение в восприятии времени связано с началом похода. Для командира субмарины «*Весь мир сосредоточился в тканье, долгом и коротком, в шорохе и шуме аппарата. Прошлое - земля и встречи - было как сон, будущее упиралось в мины. Не осталось ни страха, ни радости, ни сожаления - только вода...*» [Толстой 1958: 405]. Взаимодействие значений субъективного времени и эмоционального состояния передает сосредоточенность капитана в момент приближающейся опасности. Субъективная информация выражается с помощью абстрактной лексики с эмотивным значением, темпоральной метафорой и сравнением.

Сто лет назад местоположение подлодки определялось с помощью трех приборов: «*Вертушка лага, крутясь на шнуре позади «Кэт», определяла скорость, хронометр показывал время поворота, а компас - его точное направление. Яковлев наблюдал за приборами. Белопольский по таблицам вычислял поправки и погрешности хода и доносил старшему механику, стоящему у моторов*» [там же: 407]. Из этого следует, что показатели объективного времени являются жизненно важными для команды подлодки. Кроме того, время, как известно, категория умозрительная, и представление об объективном времени связано с изменчивостью, движением. Все это подготавливает метафору времени, которая появляется в описании первого из цепи трагических событий:

«*“Кэт” наскочила и остановилась на останках взорванного корабля. Остановка эта могла оказаться роковой. Равномерное движение лодки было нарушено, направление утеряно. “Кэт” в одно мгновение заблудилась во времени*» [там же: 408].

Этой темпоральной метафорой намечается изменение в темпоральной структуре текста. Появление эмотивного времени, отображающего переживание времени, происходит в момент вынужденного подъема лодки для пополнения запасов воздуха. Средством выражения эмотивного времени становится сравнительно-сопоставительная конструкция, подчеркивающая несовпадение субъективного и объективного хода времени:

«*“Кэт” понеслась наверх. Четыре с половиной минуты продолжался подъем. Словно четыре с половиной года длилось ожидание столкновения, удара, треска, огня гибели*» [там же: 409]. При этом чувство опасности, тревожного ожидания передается не только эксплицитно, лексическими средствами, но и имплицитно, через субъективное восприятие времени.

Чувство смертельной опасности может передаваться только через значение эмотивного времени. В таком случае можно говорить о текстовой метонимии, основанной на переносе *эмоция - вызванное данной эмоцией переживание времени (чувство и его результат)*:

«*“Кэт” дрогнула на ходу, и, отделяясь от нее, под водой навстречу тени скользнула мина. Прошло долгое мгновение, и там, где были трубы миноносца, поднялась лохматая гора огня и воды*» [там же: 411].

Дальнейшее нагнетание субъективного времени связано с положением экипажа в лежащей на дне подлодке. При этом субъективность восприятия усиливается за счет того, что данный эпизод представлен записью капитана в судовом журнале. Чтобы сохранить воздух, люди вынуждены молча лежать в полной темноте и тишине: «*Спим весь день. Никто не разговаривает, - разве только во сне бормочут, вздыхают... Тишина действительно ужасная... Темнота не та, что бывает на земле, а бархатная, совершенная*» [там же: 412]. Большую роль в изображении состояния людей играют повторы. Повторяются конструкции с двойным отрицанием: *Мы не живые и не мертвые; Лежу с открытыми глазами, - ни сон, ни явь...* Ключевым лексическим повтором является повтор слов, содержащих сему сон: *спим, во сне, спросонок, сонливость, снятся, дремлют, сон, снов*. Все это передает состояние полной бездеятельности.

Согласно событийной концепции субъективного времени восприятие времени зависит от наполненности определенного периода времени событиями и их значимости для субъекта перцепции. В условиях полной бездеятельности происходит субъективное смещение времени. Сначала наблюдается явление временной децентрации: «*Здесь, на дне, в тишине, события недавнего прошлого отодвинулись в глубокое прошлое*» [там же], а потом полная утрата чувства времени: «*Время обрывается; Лежу с открытыми глазами, - ни*

сон, ни явь, нет мыслей и воспоминаний, только чувствую, - и никогда с такой силой, - бытие. Оно не представляется мне случаями или отдельными картинками, а вне времени, - во всей полноте, где-то надо мной, по ту сторону водной толщи, простирается бытие» [там же].

Объективное время появляется только во время активных действий: «И только когда наступает время подъема, все оживают, с тревогой поглядывают на часы, - ждут, как воскресения из мертвых» [там же].

Сопутствующие такой обстановке и состоянию моряков чувства выражаются с помощью слов, содержащих эмотивную сему: *гнетет, ужасная, с тревогой, странно, жутко*. При этом уже эмотивное время становится одной из причин появления названных чувств, а не наоборот.

Кроме того, низкая частотность слов с отрицательной эмотивной семой и слабая экспрессивизация текста препятствуют нагнетанию чувства тревоги и страха, что позволяет имплицитно передать мужество и самообладание моряков.

Таким образом, (1) между категорией эмотивности и субкатегорией эмотивного времени наблюдается отношение пересечения; (2) при формировании эмотивной информации художественного текста значения эмотивного времени и эмотивности обычно взаимодействуют, а языковые средства их выражения используются комплексно, что позволяет усилить перлокутивный эффект; (3) при включении в художественный текст субкатегории эмотивного времени, между ней и категорией эмотивности чаще наблюдается отношение конъюнкции, чем дизъюнкции; (4) отношение порождения между категорией эмотивности и эмотивным временем двунаправленно: как эмоция может лежать в основе эмотивного времени, так и эмотивное время может порождать эмоцию.

Список использованной литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). - Л.: «Просвещение», 1981. - 295 с.
2. Голубкова Н. Н. Лингвистические особенности категории эмотивности в психологической прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. н. - СПб., 2003. - 21 с.
3. Калимуллина Л. А. Современные трактовки категории эмотивности // Филологические науки. - 2006. - № 5. - С. 71-79.
4. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. - М.: КомКнига, 2005. - 232 с.
5. Нестерик Э. В. Языковые средства выражения субъективного восприятия времени в английском художественном тексте: Дис. ... канд. филол. н. - М., 2007. - 190 с.
6. Новикова Т. Л. Эмотивные компоненты на линии пересечения концептуально значимых смыслов в парадигматике и синтагматике художественного текста // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. К 100-летию профессора Анатолия Михайловича Иорданского: Материалы седьмой международной конференции. Владимир, 25-27 сентября 2007 года. - Владимир: ВГПУ, 2007. - С. 221-226.
7. Толстой А. Н. Собрание сочинений в десяти томах. - М., 1958. - Том 2. - 760 с.
8. Тошович Б. Соотносительный круг экспрессивности // Славистика: синхрония и диахрония: Сб. научн. ст. к 70-летию И. С. Улуханова. - М., 2006. - С. 315-326.
9. Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: Учебн. пособ. по спецкурсу. - Волгоград, 1983. - 96 с.
10. Шаховский В. И. Лингвистика эмоций // Филологические науки. - 2007. - № 5. - С. 3-13.

ЯЗЫК ПРАВА И ЯЗЫК ЗАКОНА В ДИХОТОМИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Шматова Е. С.

Южно-Российский государственный технический университет
(Новочеркасский политехнический институт)

Возросший интерес к изучению и совершенствованию русского языка в политической и научной сферах, и тем самым актуализация комплексных исследований в лингвистике своим результатом имеют развитие новых направлений в языкознании, где особое место занимает юридическая лингвистика. Эта совсем «молодая» отрасль языкознания, хотя и носит междисциплинарный характер, находясь на стыке языка и права, в последнее время приобретает самостоятельное значение. Юридическая лингвистика разрешает самые разнообразные коллизии, как в сфере лингвистики, так и юриспруденции, например, лингвистическая экспертиза юридических документов, практические исследования специфики переводов юридических текстов, разработка рекомендаций по совершенствованию лингвистических средств нормативно-правовых актов и др. Но в центре предметной области данного направления языкознания - концептуальные основы языка права и языка закона, их взаимосвязь.

Хотя совершенно очевидно, что права без языка нет и быть не может, исследования их взаимодействия на протяжении всей истории правовой рефлексии находились как бы «на периферии», и о самом этом взаимодействии вспоминали главным образом в связи с разработками техники и методики составления и толкования правовых текстов (словесное, филологическое или грамматическое толкование). Вопрос о языке права в советской литературе сводился главным образом к более узкому, хотя и принципиально важному, разделу, посвященному изучению языка закона. Это во многом объясняется доминированием в советской юридической науке концепции нормативизма. При этом в работах юристов-теоретиков С. С. Алексеева, Д. А. Гаври-